

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 гг.

Кутузову в 1812 году как историческому персонажу повезло дважды. Как уже говорилось, его имя стало одним из главных символов борьбы с наполеоновским нашествием. Но в том же 1812 году он заключил Бухарестский мир, закрепивший успехи русского оружия на Дунае. С одной стороны, Отечественная война 1812 года деформировала восприятие современниками и потомками практически всех событий начала XIX столетия, которые либо «теряются» в своеобразной исторической тени грандиозной эпопеи, либо лишаются самостоятельности и представляются как ее периферия. Так Русско-шведская война 1808—1809 гг. и Русско-турецкая война 1806—1812 гг. почти всегда рассматриваются в контексте с российско-французским противостоянием. С другой стороны, следует признать, что шестое по счету столкновение двух держав никак нельзя назвать эпохальным, оно действительно приобретало значение только в связи с европейскими отношениями той эпохи. Несколько утрируя, можно сказать: интерес историков к войне 1806—1812 гг. во многом объясняется тем, что ее победоносно завершил М. И. Кутузов, а внимание к самому Кутузову объясняется трепетным отношением ко всему, что связано с Великой годinou.

В пользу этого свидетельствует малое внимание к Русско-персидской войне 1803—1813 гг., которая происходила фактически синхронно с кампаниями 1805—1814 гг. в Европе, но была от них удалена географически. Напомним ее результаты: в состав империи на Кавказе вошли земли, суммарно многократно пре-

вышавшие то, что получил Александр I в районе Дуная. Было закреплено присоединение Восточной Грузии (Картли-Кахети) и предрешен вопрос о судьбе Грузии Западной (Имеретия, Мингрелия, Гурия). Главнокомандующие на Кавказе (П. Д. Цицианов, И. В. Гудович, А. П. Тормасов, Ф. О. Пауллуччи), располагавшие ничтожными силами, сумели разгромить войска персидского шаха и его союзников, взять такие сильные крепости, как Гянджа, Баку, Дербент. В середине XIX века участники боевых действий на Кавказе, не дождавшись должного признания их заслуг, выражали обиду по этому поводу. В письме князю М. С. Воронцову от 13 января 1846 года генерал П. С. Котляревский предложил установить в Тифлисе памятник с надписью: «Российским войскам первой Персидской войны, начавшейся в 1802 г. и кончившейся в 1813 г., малым числом принесших много пользы отечеству». На обелиске предлагалось выбить имена генералов и названия полков. Котляревский выражал уверенность в том, что после того, как подобные памятники были установлены на полях сражений Отечественной войны 1812 года, будет «справедливее поставить [монумент] за такую многолетнюю войну»¹.

Сами русско-турецкие войны XVII — начала XX вв. отражают собой процесс геополитического соперничества Петербурга и Стамбула сразу в трех регионах — на Балканах, в Причерноморье и на Кавказе. Первое прямое столкновение имело место в 1676–1681 гг., когда Порты, недовольная ростом влияния России на Украине, попыталась усилить там свои позиции. Туркам удалось взять крепость Чигирин, но ни одна из сторон не добилась решительных результатов. По Бахчисарайскому мирному договору границу провели по Днепру в районе порогов. До этого времени конфликты носили характер борьбы сил, находившихся в поле влияния обеих сторон. На стороне султана были крымские татары, согласившиеся на вассальную зависимость в 1478 г., на стороне царя — донские казаки, не церемонившиеся с турками и даже захватившие в 1637 г. крепость Азов. В 1686 г. Россия присоединилась к антитурецкой коалиции и, выполняя свои союзнические обязательства, совершила два Крымских похода (1687, 1689), завершившихся неудачей, и два похода Азовских (1695—1696). Заключенный в 1700 г. Константинопольский мир

¹ *Соллогуб В.* Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С. 186—187.

отдал России Азов и развязал ей руки для назревавшего столкновения со Швецией. В 1710 г. турки нашли момент подходящим для войны с Россией. Петр Великий также, в эйфории от побед над Карлом XII, был не против продолжить победный путь к «теплым морям». Однако окружение русской армии в 1711 г. на реке Прут заставило в 1713 г. подписать мирный договор, не только аннулировавший результаты Азовских походов (ликвидация крепостей и флота на Азовском море), но и предусматривавший вывод войск из Украины. Азов удалось вернуть в результате следующей войны 1735–1739 гг., в которой русские войска одержали ряд побед, не принесших тем не менее существенных результатов. В следующей, четвертой по счету войне 1768–1774 гг. армия султана понесла ряд сокрушительных поражений, его флот был уничтожен при Чесме, важнейшие крепости в Причерноморье пали, Крым получил номинальную самостоятельность (как прелюдия к включению в состав России). Граница империи Романовых продвинулась до Южного Буга. Попытка Стамбула взять реванш в 1786–1791 гг. закончилась полным провалом. Турок разгромили на суше и на море, после чего они вынуждены были согласиться на значительные уступки (проведение границы по Днестру, подтверждение права российского императора быть покровителем христиан, согласие на присоединение Крыма и Тамани к России, согласие на разделы Польши и на увеличение влияния России на Кавказе). Столь большое внимание в историографии к этим двум столкновениям с южным соседом обусловлено тем высоким местом в отечественном военном пантеоне, которое занимают участвовавшие в них полководцы и флотоводцы: из 17-ти военных героев XVIII — первой половины XIX вв., чьи скульптуры помещены на Памятнике тысячелетия России, трое символизируют успехи именно в этих двух войнах (А. Г. Орлов-Чесменский, А. В. Суворов-Рымникский, П. А. Румянцев-Задунайский), тогда как еще трое (Б. Х. Миних, И. И. Дибич, Д. Н. Сенявин) представляют «все остальные» пять столкновений, имевших место до 1850 года. Кроме того, видное место в списке великих военных деятелей занимают Ф. Ф. Ушаков и Г. А. Потемкин, не удостоенные помещения на указанный монумент. Такое внимание к этим войнам объясняется прежде всего тем, что они обозначили решительный перелом в стратегическом противостоянии России и Турции. Кроме того, они стали важной составной частью выполнения «заветов» Петра Великого, наследницей которого представляла себя Екатерина Великая:

собрание русских земель, что предусматривало возвращение под скипетр российских монархов земель с православным населением, оказавшимся под властью польско-литовской короны. Эту часть программы царица даже «перевыполнила»: с политической карты исчезла Речь Посполитая как исторический соперник России в Восточной Европе. После разгромов 1768–1791 гг. Турции уже было не до вмешательства в польские дела, поскольку на повестку дня встал вопрос о сохранении ее позиций на Балканах.

В южном направлении также был достигнут грандиозный успех, превосходивший самые смелые ожидания. Выход к теплым морям был не просто пробит: на горизонте замаячил так называемый Греческий проект — создание православного государства со столицей в Константинополе. Мир был поставлен перед фактом: правитель России действительно стал покровителем христиан, находившихся под властью турецкого султана. На фоне этих грандиозных успехов отошло на второй план даже окончательное закрепление результатов петровских завоеваний в Прибалтике. Шведы в 1788–1790 гг. попытались взять реванш, но потерпели фиаско.

Боевые действия на Дунае в 1806–1812 гг. не изменили ситуацию на южных рубежах России, бескрайняя держава пополнилась территорией Бессарабии. После этого русские войска дрались с турецкими в 1828–1829 гг. (результат — присоединение Черноморского побережья Кавказа и усиление позиций на Балканах), в 1853–1856 гг. (результат — ослабление позиций в Причерноморье и на Балканах), в 1877–1878 гг. (приобретение небольших территорий в Закавказье). Таким образом, войну, которую закончил Кутузов в преддверии наполеоновского нашествия никак нельзя назвать эпохальной. Повторяем, она вообще «на слуху» только благодаря своей связи с Отечественной войной 1812 года. Заняли же в российском пантеоне скромное место адмиралы С. К. Грейг и А. М. Круз, генералы П. П. Ласси и В. П. Мусин-Пушкин. А эти военачальники привели свои полки и эскадры к победе в двух русско-шведских войнах 1741–1743 и 1788–1790 гг., закрепили успехи Петра Великого и даже передвинули границу в западном направлении на 150–200 км от рубежей, на которых он остановился. Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что память о прутской катастрофе 1711 года была заглушена триумфами последующих побед. Турки были привычными противниками, и не менее привычными

считались победы над ними. Это и стало одной из причин психологической травмы национального масштаба во время Крымской войны, поскольку, по словам одного из современников падения Севастополя, «прежде всегда выходило так, что русские люди одолевали турецких»².

Если следовать поговорке, что каждая война заканчивается тогда, когда начинается следующая, то события на Дунае в 1806–1812 гг. выглядели следующим образом. Сокрушительное поражение антифранцузской коалиции в 1805 г. породило у правительства Турции надежду повернуть вспять процесс установления гегемонии России в Причерноморье. Султан Селим III полагал, что союз с Наполеоном позволит ему возратить хотя бы часть того, что Порта утратила после войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Кроме того, Австрия, потрясенная разгромом при Аустерлице, не могла в тот момент с обычной энергией отстаивать свои позиции на Балканах. Бонапарт, крайне заинтересованный в том, чтобы как можно больше русских войск было приковано к Молдавии, не скупился на обещания военной помощи. Самым важным являлось выделение 25-тысячного корпуса под командованием генерала Мармона, который через Далмацию должен был пройти в район предполагаемых боевых действий. В Турцию приехало несколько десятков французских военных инструкторов и специалистов по фортификации. Отношения Петербурга и Стамбула осложнялись также ситуацией на Кавказе: включение Восточной Грузии в состав России было прелюдией к включению Грузии Западной (Имеретия, Мингрелия, Гурия, Абхазия), которую в Турции считали зоной своего влияния. В 1804 г. сербы под предводительством князя Кара-Георгия поднялись с оружием в руках против османского ига. Россия поддерживала повстанцев, причем с начала 1806 года делала это открыто, заключив союз с предводителем сербов. Александр I, «имея на руках» неминуемое новое столкновение с Наполеоном, старался избежать столкновения с южным соседом, но в то же время проявлял крайнюю неуступчивость в спорных вопросах. Селим III приказал закрыть проливы для русских кораблей и, нарушая условия Ясского мирного договора, сменил правителей Молдавии и Валахии, являвшихся сторонниками России. Ответом стал ввод рус-

² Война Англии и Турции с Россией и генерал-инженер Тотлебен, главнокомандующий Русской Армией в 1878 г. под Константинополем. М., 1879. С. 4.

ских войск в Дунайские княжества. При этом крепости Хотин, Аккерман, Бендеры, Килия и Галац открыли свои ворота без сопротивления. Турецкое знамя продолжало развеиваться только над Измаилом и Рущуком. Обе стороны избегали кровопролития и официального объявления войны (произошло это только в декабре 1806 г.). Первые сражения обнадеживали Петербург. Эскадра адмирала Сенявина разбила турецкий флот при Афоне, а корпус генерала Милорадовича нанес чувствительный удар противнику при Обилешти. Все это являлось внушительной заявкой на победу в войне, но разгром русских войск при Фридлянде и подписанный под диктовку Наполеона Тильзитский мир в 1807 году заставили Александра I заключить с турками Слободзейское перемирие. Россия вывела свои войска из Дунайских княжеств, а Турция не вводила туда своих до подписания окончательного мирного договора. Боевые действия прекратились.

Кутузов, занимавший в это время пост Киевского генерал-губернатора, заинтересованно следил за происходящим. Шла сложная дипломатическая игра: Россия претендовала на Молдавию и требовала предоставления независимости Сербии, которая являлась естественным союзником России на Балканах. Такой вариант совершенно не устраивал Австрию и Великобританию. Франция всеми силами поддерживала напряженность в Дунайском регионе, поскольку это позволяло сковывать там большие силы русской армии. На встрече в Эрфурте в 1808 году Наполеон согласился на изменение границы на Дунае в пользу России. Весной 1809 года армия под командованием генерал-фельдмаршала А. А. Прозоровского вновь заняла княжества. План боевых действий был незатейлив: предполагалось овладеть турецкими крепостями, расположенными на Дунае, форсировать эту полноводную реку, навязать туркам генеральное сражение (в победе не сомневались) и подписать выгодный мир.

Однако выполнить намеченное оказалось крайне трудно. Если в боях русские полки уверенно брали верх над более многочисленным противником (сказывалось преимущество в дисциплине и организованности), то при осадах и штурмах достоинства регулярных войск проявлялись в гораздо меньшей степени. Большой проблемой становилось закрепление результатов: в каждом взятом укрепленном пункте приходилось оставлять сильный гарнизон. А это, в сочетании с необходимостью охранять границу — более тысячи верст, — вело к распылению и без того невеликих сил. В это время Россия вела войну со Швецией, приходилось

держат солидный корпус на границе с Австрией. В 1808 году Кутузова назначили командующим главным корпусом Молдавской армии, который из района Фокшан выдвинулся к важной крепости Браилов. По мнению Л. Г. Бескровного, автора введения к 3-му тому публикации «М. И. Кутузов. Сборник документов», Кутузов отказался от немедленного штурма Браилова, ссылаясь на недостаток сил для такой операции. Прозоровский же на том настоял, а когда приступ был отбит с огромными потерями, виновным в неудаче выставил своего подчиненного³. Дальнейшая их совместная служба стала невозможной, и в июне 1809 года Кутузова назначили Литовским генерал-губернатором. По другой версии, более правдоподобной причиной конфликта стало недовольство Прозоровского тем, что старшие чины его армии начали все чаще обращаться через голову главнокомандующего к Кутузову, который против такого варианта ничего не имел против⁴. Кем на самом деле готовился штурм турецкой крепости, по имеющимся документам установить невозможно; то, что подготовка оказалась никудышной — ясный факт.

Новым начальником главного корпуса, а затем и всей армии (после смерти Прозоровского) стал П. И. Багратион, которому пришлось бороться с повальными болезнями, буквально косившими ряды русских полков. Тем не менее были взяты две турецкие крепости, а в августе 1809 года разбита турецкая армия при Рассевате. Однако попытки взять крепость Силистрию, а также одолеть турок при Татарице не увенчались успехом, и войска Багратиона в октябре 1809 года ушли обратно за Дунай. Александр I решил поправить дело назначением нового командующего — Н. М. Каменского, который начал кампанию 1810 года очень лихо: овладел крепостями Силистрия, Туртукай, Базарджик и Разград. Потом, правда, был неудачный штурм Шумлы, но ситуацию исправили, разгромив противника при Батине и взяв Турну и Никополь. Однако все эти успехи не вынудили турок запросить мира, и русским войскам опять пришлось уйти за Дунай, оставив в болгарской земле 36 тысяч человек, большей частью умерших от болезней. Этим во многом объясняется упорство турок, отказавшихся зимой 1810—1811 гг. подписать мирный договор на условиях, предложенных российской стороной.

В оправдание Прозоровского, Багратиона и Каменского сле-

³ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. X.

⁴ Анисимов Е. В. Багратион. М., 2011.

дует сказать, что численность войск, находившихся под их командованием, явно не соответствовала поставленным задачам, вне зависимости от того, какой стратегии они придерживались. «Осторожный» вариант (овладение крепостями, форсирование Дуная, принуждение турок к генеральному сражению) был фактически непригоден, потому что турки отчаянно дрались за стенами и валами, придунайский район оказался очень опасен в санитарном отношении и войска здесь постоянно испытывали недостаток в провианте и фураже. Преимущество в коннице давало противнику возможность маневрировать, турки легко уклонялись от столкновений в открытом поле. Занятие же всех важных румынских и болгарских крепостей гарнизонами лишало армию возможности собирать группировку, гарантировавшую победу. Оставлять взятые пункты без прикрытия было невозможно: турки умели стремительно, в течение нескольких дней, восстанавливать земляные укрепления, штурм которых стоил большой крови. Кроме того, возвращение противнику крепостей производило крайне невыгодное «политическое» впечатление, поскольку именно владение ключевыми пунктами обозначало успех или неудачу противоборствующих сторон. «Решительный» вариант действий (быстрое продвижение через Дунай и Балканы на Константинополь) также требовал больших сил, ставил трудноразрешимые задачи снабжения войск. Но в начале 1811 года армия, действовавшая на турецком фронте, была не увеличена, а, наоборот, ослаблена переводом трех дивизий на австрийскую границу в связи с угрозой нового столкновения с Наполеоном. Это означало, что в Петербурге фактически отказались от идеи закончить войну решительным наступлением и согласились с ее «оборонительным» характером.

Именно в этот сложный момент главнокомандующим назначили Кутузова. Он решился на срытие нескольких крепостей, чтобы не распылять свои силы на пополнение гарнизонов. Концентрация войск оказалась своевременной. 22 июня 1811 года турецкая армия под командованием великого визиря Ахмед-паши, полагаясь на свое численное преимущество и выгодность позиции (сам Кутузов признавал, что противнику было удобно атаковать левый фланг русской армии), двинулась в наступление. Поначалу оно развивалось успешно, но затем визирю пришлось отходить и укрываться в укрепленном лагере, штурм которого представлялся опасным предприятием. Надо было каким-то образом выманить Ахмед-пашу в чистое поле, причем ждать

долго не представлялось возможным, поскольку русские испытывали проблемы с продовольствием, а в районе боев в любое время могли вспыхнуть эпидемии, обычные для летнего периода. Кутузов сделал неожиданный ход: взорвал укрепления Руссука, доставшегося дорогой ценой, и перешел на северный берег Дуная. Ахмед-паша, понукаемый грозными распоряжениями султана, переправил следом большую часть своей армии, оставив около 20 тысяч человек в резерве на южном берегу реки. После этого турецкий командующий предпринял несколько попыток расширить занимаемый плацдарм, но русские войска, опираясь на возведенные укрепления, отбили все атаки. Кутузов решил овладеть турецким лагерем на южном берегу, отрезая тем самым основную группировку Ахмед-паши от линий снабжения. Для этого он произвел довольно сложные перегруппировки собственных войск, добиваясь при этом максимально возможной скрытности. 2 октября 1811 года отряд генерала Маркова, переправившись через Дунай, решительной атакой захватил турецкий лагерь на южном берегу. Турецкий корпус, блокированный на противоположной стороне реки, не имея продовольствия, подвергаясь постоянным бомбардировкам, сдался 22 ноября.

Одержав победу военную, Кутузов начал борьбу дипломатическую, поскольку в Стамбуле не соглашались с рядом требований России. Кроме того, большую активность проявляли французы, всячески старавшиеся продлить состояние войны между Россией и Турцией. Тем не менее, проявив большой талант дипломата, Кутузов сумел добиться заключения мирного договора. Граница отныне проходила по рекам Прут (Бессарабия вошла в состав Российской империи) и Дунай. На Кавказе также произошли значительные перемены в пользу России. Кроме того, Сербия получила автономию, Молдавия и Валахия сохранили привилегии, полученные по результатам Ясского договора 1791 года. 5 мая 1812 года в Бухаресте были подписаны условия предварительного договора, а 6 мая адмирал П. В. Чичагов привез туда рескрипт Александра I, приглашавший Кутузова в столицу для награждения и передававший командование Молдавской армией приехавшему адмиралу.

Ланжерон А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806—1812 гг. // Русская старина. 1910. № 7. С. 171–176, 179–182; 1911. № 8. С. 342–346

От нынешней кампании мы ничего не ожидали и думали, что нам не придется даже взяться за оружие, но мы жестоко ошиблись, так как Ахмет заставил нас вести самую бурную и жестокую войну. <...>

В половине июня он со своей армией двинулся на Разград. Мы были посвящены во все планы относительно передвижений, так как Кутузов превосходно организовал разведочную часть. Лучшими из шпионов были болгары, которых генерал Эссен посылал из Рущука, а генерал Турчанинов — из Турно. Мы получали также сведения от Манук-бея, армянина, бежавшего от своего покровителя Мустафы Байрактара во время одного морского путешествия. <...>

Когда Кутузов постиг все замыслы визиря, то двинулся на Гирсово и там решил перейти Дунай, а затем дать генеральное сражение, которое успокоило бы нас до конца этой кампании. План Кутузова был превосходный, но нас страшно удивило, что он был придуман самим Кутузовым, от которого нельзя было ожидать таких быстрых решений. <...>

21 июня все было тихо. Только 22-го великий визирь собрал свою армию и атаковал нас.

Позиция наша была очень хороша, но она могла быть обойдена.

Речь идет о начале кампании 1811 года и о подготовке к сражению при Рущуке. Несмотря на то, что Ланжерона трудно причислить к сторонникам Кутузова, он отдает должное главнокомандующему, который старался иметь точные сведения о расположении и намерениях противника. Есть основания полагать, что такое внимание к разведке являлось следствием потрясения при Аустерлице, когда совершенное неведение о расположении противника буквально до первых минут сражения привело к катастрофе.

Ланжерон А. Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806—1812 гг. // Русская старина. 1908. № 4. С. 231—237

Гартинг склонил Прозоровского произвести штурм Браилова, к которому наш старик и раньше был очень склонен. Это было

давнишнее его желание, он сам мне говорил об этом еще в Яссах, за два месяца до сего, но я с ним не соглашался. Не одобряли штурма и в армии; Кутузов также противоречил ему, но он приказал и надо было повиноваться. <...>

Прозоровский, решившись штурмовать Браилов, поручил генералу Кутузову составить диспозицию, а Кутузов дело это передал для исполнения подполковнику генерального штаба Толю.

Для атаки назначили 18 батальонов, чего конечно было очень мало; надо было, по крайней мере, 24 батальона, так как ведь не могли же 9000 человек атаковать 15 000, защищенных прекрасными укреплениями. Пропорция атакующих должна была быть, по крайней мере, втрое больше осажденных и вчетверо — при штурме. В Браилове же число осаждающих было даже не равно числу осажденных. С другой стороны, если бы назначили 30 батальонов, то в случае неуспеха можно было бы потерять всю армию.

Все эти обстоятельства доказывают, что этот штурм был вполне случайный, чтобы не сказать — не нужный и даже бесполезный. <...>

Так как окружающие князя Прозоровского были очень неосторожны¹, а окружающие Кутузова и еще того менее, то о штурме в лагере знали заранее и отсюда весть перешла и к туркам. Визирь впоследствии говорил графу Мантейфелю, который передавал об этом мне, что он беспрестанно посылал к нам в лагерь греков и знал все, что у нас происходило. <...>

20 апреля, в очень темную ночь, войска двинулись вперед и еще задолго до рассвета подошли уже ко рву.

Колонна князя Вяземского, плохо направленная офицером генерального штаба бароном Иксулем, почти вся провалилась в погреба сгоревших домов и, приняв их за ров крепости, начала стрелять и совершенно расстроилась, даже не дойдя до рва. Некоторые, попавши в погреба, так и остались там. Стали ставить лестницы, но они оказались короткими, да и взяли их только четвертую часть из числа заготовленных в лагере. <...>

Атакующие батальоны остальных двух колонн, то есть Репнинского и Хитрово, а затем и батальоны резерва, во рву стреля-

¹ Князь Прозоровский был глух; его палатка постоянно была окружена адъютантами и волонтерами, ожидавшими приказаний и, конечно, все слышавшими, о чем говорилось в палатке. (*Примеч. автора.*)

ли в воздух и друг в друга, даром расходуя патроны, и, бестолково крича «ура!», только увеличивали общую неурядицу. <...>

Хотя войска встретили, по правде сказать, и много препятствий, но они все вели себя не с той неустрашимостью, которая 19 лет тому назад помогла им взять Измаил. Они не имели того доверия к Прозоровскому, какое внушал им Суворов, одно имя которого всегда было связано со славой. Было много замешательства, бесполезной стрельбы, еще более беспокойных криков, и все потеряли головы.

Этот несчастный штурм окончился только в 11 часов утра, то есть длился 6 часов. Князь Прозоровский, сидевший на одном из курганов, на расстоянии пушечного выстрела, все время уверял себя в победе и каждую минуту посылал адъютантов узнать, что делается в колоннах. Никто не смел сказать ему, что надо отступать; наконец, Кутузов сообщил ему, что штурм отбит. Услыхав это известие, Прозоровский был так убит горем, что, казалось, лишился чувств. Тогда Кутузов заметил ему, довольно легкомысленно: «Видимо вы, князь, не привыкли к подобным несчастиям: если бы вы были, как я, свидетелем бедствий под Аустерлицем, вы бы не приняли этой неудачи так близко к сердцу».

Наконец, Прозоровский приказал отступать. Солдаты, которые не были ранены, влезли на контр-эскарп и забрали некоторых раненых, но большинство осталось во рву. Всем оставшимся турки отрубили головы, а тем, кто спасался, вдогонку посылали пули. Только один офицер и 30 солдат были взяты в плен живыми. После штурма визирь послал в Константинополь 8000 русских ушей в мешках. <...>

Эта гибельная атака убила князя Прозоровского и зародила в нем угрызение совести, которое ужасно изнуряло его и ускорило конец его дней.

Он хотел сначала отдать под суд князя Вяземского и барона Иксуля, так как было много причин признать эту строгость заслуженной, но Кутузов, по своей обычной снисходительности и слабости, все устроил так, что никто не был наказан.

Победа имеет множество родителей, а поражение — всегда сирота. Это положение применимо ко всей военной истории. В случае удачи список представляемых к наградам вмещает всех: и действительно их заслуживших, и тех, кто сумел различными способами повлиять на мнение составителей этих списков. Если же фортуна оказывалась не столь благоприятной, начинались поиски виновного. Военно-отчетная доку-

ментация, дошедшая до нас, позволяет создать только общую картину происходившего, а попытки разобраться в деталях в большинстве случаев приводят к тому, что исследователь склоняется к версии, в основе которой — мнения свидетелей, проявлявших наибольшую настойчивость в подтверждении своих взглядов. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что от сторонников и противников той или иной версии сохранились «равновесные» комплексы свидетельств. Применительно к истории неудачного штурма Браилова, предпринятого в 1809 г., можно сказать, что вина за напрасные жертвы ложилась на все руководство русской армии. Для штурма было явно недостаточно сил, он был плохо подготовлен и плохо проведен. Что касается персональной ответственности, то мы видим опять следы того, как Кутузов, видимо не «сочувствовавший» идее штурма, уклонился от того, чтобы открыто противостоять Прозоровскому. Ситуация оказывалась очень похожей на Аустерлицкую с той лишь разницей, что в 1809 г. Кутузов официально являлся вторым лицом, а не первым, как в году 1805-м.

Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 215—216

В феврале 1807 года воспоследовал указ, которым вызывали на службу отставных солдат. Было бездорожье и ненастье. Но ничто не удерживало наших чудо-богатырей, говоря по-суворовски. <...> По долгу службы моей мне надлежало сделать им перекличку и составить список. Они мне показались движущимися памятниками русской славы, отживающими летами, но не усердием. Хотя на них самих, на их грудях, униженных медалями, выказывались послужные их списки, но мне хотелось породниться с их именами, и я громко выкрикивал их службу. <...>

Иной был при взятии Бендер с Петром Ивановичем Паниным, иные были с князем Потемкиным при падении Очакова; другие под Кагулом с Румянцевым и при трудном переходе за Дунай, когда тринадцать тысяч русских шли на потрясение державы Оттоманской; другие были с Суворовым при взятии Измаила, тут были и богатыри, выдержавшие упорные битвы при Требии, при Нови и при переходе через вершины Альпийские. <...> Словом, тут как будто олицетворялась и военная история времен Екатерины II, и история русских в Европе.

В числе сошедшихся ратников в Сычовках были двое из того корпуса бугских егерей, с которым Кутузов действовал под Измаилом.

— Братцы, — сказал я, — выпейте за здоровье вашего прежнего начальника!

Раздался общий голос: «Да! Мы выпьем за его здоровье! Никому из нас не чужой Михаил Ларионович, он с нашим братом-солдатом одну кашу кушивал!»

И застучали чарки. Я выпил также чарку за здоровье богатырей, за всех тех, кто любит русских солдат. Раздалось общее «ура».

В начале XIX столетия Россия стояла перед задачей значительного увеличения вооруженных сил. Наряду с обычной схемой комплектования армии солдатами посредством рекрутских наборов были использованы еще три варианта. Сначала было собрано ополчение (милиция), причем ратников по окончании военных действий должны были распустить по домам. Однако значительная часть ополченцев осталась в войсках, поскольку был издан закон, позволявший сельским обществам и помещикам «зачитывать» отданных людей в случае проведения рекрутского набора. Следующим шагом стала вербовка полков в западных губерниях, где социокультурные реалии исключали применение рекрутчины. Таким путем армия получила несколько кавалерийских полков. Наконец, в армию призвали отставных солдат, годных еще по состоянию здоровья к несению военной службы. Эти нижние чины являлись носителями воинских традиций, которые были важным средством воспитания солдат.

Приведенный фрагмент является частью «Кутузовского мифа» и одновременно трансляцией мифа Суворовского, где важное место занимала близость сыновей-солдат и отцов-командиров.

Бескровный Л. Г. Введение // М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 1. М., 1950. С. XXI–XXXVIII

Ту же глубину и широту стратегического замысла мы наблюдаем у Кутузова и в кампании 1811 года. Кутузов был назначен командующим Молдавской армией в то время, когда назревал новый конфликт с Францией и когда перед Россией стояла задача успешно завершить войну с Турцией, тянувшуюся с переменным успехом с 1806 года <...>

Тем временем Турция, узнав об отводе нескольких русских дивизий с Дуная, решила перейти в наступление. Количественное соотношение сил было явно не в пользу Кутузова. Против его 46-тысячной армии, растянутой на фронте в 1000 км, находилось 80 тысяч турок, собранных в кулак против центра русских и к тому же владевших сильными крепостями.

Но и в этих условиях Кутузов находит замечательное решение поставленной перед ним задачи. В то время как турки соби-

рались с силами, Кутузов не проявлял никаких признаков активности и, казалось, даже перешел к обороне. Но это была только видимость. Стянув свои войска к Рущуку, Кутузов взорвал и срыл укрепления Никополя и Силистрии <...>

Документы показывают Кутузова в этой кампании как перво-классного стратега и тактика. Проявив исключительное понимание обстановки, он по-новому и принципиально иначе, чем его предшественники, решил задачу уничтожения армии противника путем окружения. В области тактики Кутузов использовал блестящий опыт Суворова, внося, однако, много своего, оригинального, особенно в части инженерной подготовки поля боя и использования артиллерии. Новое внес Кутузов также и в развитие вопроса о переходе от обороны к наступлению, а именно: использование маневра вне боя и удар по коммуникациям противника.

Рущукская победа и Бухарестский мир, завоеванные Кутузовым, значительно улучшили внешнеполитическое положение России и создали более выгодную стратегическую обстановку перед войной 1812 г. Несмотря на это, в момент начала Отечественной войны 1812 г. Александр I не поручил Кутузову командование русской армией, лишив ее в эти грозные дни своего прославленного полководца. Однако вскоре после начала войны царь вынужден был призвать Кутузова для спасения страны.

В Отечественной войне 1812 г. полководческое искусство Кутузова раскрылось во всем своем блеске и многообразии.

Заключение Бухарестского мира действительно радикально улучшило военно-стратегическое положение России в 1812 г., поскольку позволило высвободить для войны с Францией солидную военную группировку, занятую до того боевыми действиями на Дунае. Действительно Кутузов нашел, пожалуй, единственный вариант принуждения Турции к миру, причем в достижении своих целей он использовал как военный опыт, так и знания о противнике, почерпнутые во время выполнения дипломатической миссии в Стамбуле.

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 64, 68

Кутузов отказывается от кордонной системы ведения войны, сосредотачивает главные силы на наиболее важном направлении и, отклонив оборонительный план, переходит к решительным

наступательным действиям. Искусно маневрируя войсками, Кутузов сумел выманить турок из крепости и навязать им бой в открытом поле <...> Только в результате настойчивости и дипломатического таланта Кутузову удалось преодолеть все трудности и всего за месяц до вторжения Наполеона в Россию заключить выгодный для России мир.

Панегирический характер приведенных текстов, который является памятником советской историографии, тем не менее позволяет подтвердить главное в истории Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.: Кутузову удалось в очередной раз «обхитрить» противника — другого выражения для характеристики операции при Рущуке трудно подобрать. Оба стратегических варианта, как было сказано выше, не подходили для решения поставленных задач. И для рутинной осады крепостей, и для марш-броска на Константинополь требовались большие силы, а также поддержка Черноморского флота, который в 1806—1812 гг. не был на высоте положения. Слова же Л. Г. Бескровного о том, что Александр I поступил опрометчиво, не назначив победителя турок тут же главнокомандующим армиями, нацеленными на войну с французами, требуют некоторых разъяснений. Во-первых, награждения за военные и дипломатические успехи не являются достаточными причинами для того, чтобы сгонять с постов людей, ни в чем не провинившихся (М. Б. Барклай-де-Толли). Во-вторых, Наполеон считался куда как более серьезным противником, чем Ахмед-паша, а у Кутузова в прошлом (какую картину Аустерлица ни представлять) было сокрушительное поражение в первом же очном столкновении с этим полководцем. К тому же и в реальности, и, что более важно, в представлениях военных той поры война с Турцией — одно, а с Европейскими державами — несколько иное.

Ростопчин Ф. В. Москва и двенадцатый год в записках графа Ф. В. Ростопчина // Русская старина. 1889. № 12. С. 665

Мир мог бы быть заключен гораздо ранее между визирем и Кутузовым, но последний, будучи убежден в том, что ему ничем не дадут командовать, и пренебрегая посылаемыми ему настоятельными приказаниями, счел за лучшее затягивать переговоры; но когда узнал, что на смену его назначен адмирал Чичагов, он не захотел предоставить ему чести окончания войны и в течение трех дней заключил мир.

Ф. В. Ростопчина можно назвать одним из недругов Кутузова. Их пути разошлись после того, как фельдмаршал поставил московского главнокомандующего в трудное и нелепое положение, не давая последнему сведений о складывавшейся ситуации и о собственных намерениях в преддверии сдачи Москвы французам. Но и ранее во всех случаях, когда это только возможно, Ростопчин выставляет Кутузова в невыгодном свете. В данном случае его слова имеют под собой основу. Кутузов действительно в Бухаресте вел свою игру.

*Из отношения А. А. Прозоровского А. А. Аракчееву
от 9 декабря 1812 года
о возможном назначении М. И. Кутузова
командующим войсками, действующими против Турции*

*Впервые опубликовано: Фельдмаршал Кутузов. М., 1947.
С. 101.*

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 90.

Если уже необходимо будет разделять войска так, как государь император предполагать соизволит, то тогда, конечно, к командованию в здешнем краю никого лучше избрать не можно, как генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова. Он знает все здешние места, народы и обычаи здешние, тако ж места задунайские и всю политику турецкую, следовательно, он всех и способнее. Я могу с полным удостоверением свидетельствовать, что он должность генерала и часть воинскую хорошо разумеет...

Я по части войсковой совершенно им доволен, и он мне в самом деле помощник. Впрочем, заключительно скажу, что я признаю его в искусстве военном из лучших генералов государя императора...

А. А. Прозоровский отдает должное как военным и дипломатическим способностям Кутузова, так и его опыту ведения войны в Придунайском регионе, имевшем много особенностей.

*Из реляции А. А. Прозоровского Александру I
от 23 апреля 1809 года
о неудачном штурме крепости Браилов*

Впервые опубликовано: Фельдмаршал Кутузов. М., 1947. С. 101.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 182–185.

Всемилоостивейший государь!

С сердцем, тягчайшею горестью преисполненным, принимаюсь за перо, дабы написать сие сокрушительное для меня всеподданнейшее донесение.

С препровождаемых при сем планов Ваше императорское величество благоусмотреть соизволите распоряжения, какие учинены были мною сперва для приближения к крепости Браиловской, а потом для обложения ее как со стороны земли, так и посредством Галацкой флотилии со стороны воды для пресечения коммуникации крепости с правым берегом Дуная. Затем первоначально для обеспечения верной коммуникации между тремя лагерями устроены в интервалах их редуты, а потом перед каждым лагерем сделаны редуты, от коих ведены вперед коммуникационные линии; к сим же привязаны траншеи, в коих в расстоянии 300 и 350 сажен от ретрашмента форштадты поставлены, батареи и кессель-батареи для осадной и батарейной артиллерии, дабы сколько можно демонтировать неприятельские орудия и бомбардировать город и крепость <...> Я приказал генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову обще с инженер-генерал-майором Гартингом сочинить диспозицию, которую я утвердил.

В ночи с 19-го на 20-е число приступлено к исполнению. Я был сам на правом фланге лагеря, а генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов при левом фланге атаки, фальшивую же атаку поручено было сделать генерал-лейтенанту Эсену 3-му, которому, однако же, велено начать оную тогда, когда действующие колонны вступят в дело. Но едва сии последние двинулись ко рву, то фальшивая атака началась, тем самым неприятеля разбудили и остерегли. К стыду командовавших колоннами, из коих князь Вяземский сам просил его употребить, должен я сказать, что они обнаружили лишь личину ложной храбрости. Невзирая на строгое запрещение, они, приблизившись ко рву, начали стрелять,

потом, спустившись в ров, вместо того, чтобы лезть на вал, во рву стали стрелять. Одна правая колонна генерал-майора Репнинского, при которой находился и генерал-лейтенант Олсуфьев 3-й, командовавший 1-й и 2-й действующими колоннами, взошла хорошим числом на вал и овладела батареей <...> но потом хотя и взял к себе резерв, бывший под командой убитого полковника Шеншина 1-го, не будучи достаточно поддерживаем другими колоннами, сбит опять в ров. Фанагорийского полка гренадеры, находившиеся во второй колонне, зажгли ворота и частями вошли в город; но сильной ружейной пальбой из домов и развалин погоревших строений принуждены были ретироваться. В третьей колонне с охотниками был камер-юнкер лейб-гвардии Семеновского полка граф Самойлов; он с охотниками и пионерами вошел на вал, но генерал-майор князь Вяземский замедлил его подкрепить более четверти часа, в продолжение которого выдерживал он сильное нападение гораздо превосходнейшей толпы турецкой, но, наконец, сбит в ров; причем граф Самойлов ранен в руку хотя безопасно, но обе кости перебиты.

Таким образом, третья колонна вовсе не взошла на вал, а осталась стрелять во рву, где неприятель мог бить их даже камнями, а они ему никакого вреда причинить были не в состоянии <...> Правда, что неприятель оборонялся чрезвычайно упорно, но атака произведена дурно <...> будучи зрителем сего печального происшествия, сердце мое облилось горестью, я желал умереть, и если бы малейшая возможность преподать в сем случае пособие и загладить сие несчастье, то я, конечно, бросился бы сам с войсками в огонь. <...> В таковом несчастии моем паче всего опечалило меня, что Бог, руководствовавший меня во всю мою службу всесильной Его десницей, так что я все сражения, в коих находился, имел счастье окончить с пользой и выгодой и никогда не ретировался, видно, обратил на меня гнев свой. Ни под каким видом не мог я по всем соображениям ожидать таковых пагубных последствий от сей эскалады, особенно если сравнить оную со счастливым предприятием покойного графа Суворова на Измаил, в котором находилось 40 тыс. человек гарнизона; не сам таковых сил и получив повеление взять крепость, осмотрел оную, устроил батареи и взял оную штурмом <...>

Неопытность частных генералов в действиях военных причинила столь знатную потерю, а потому должен я впредь, доколе не приобретут они большей опытности, воздержаться от всяких предприимчивых употреблений войска.

Реляция является в своем роде типичным отчетом о военном предприятии, закончившемся неудачей. Начинается документ «покаянным воплем», имеющим целью «растопление» сердца читающего. Далее — 24 строки о планах, о тщательной подготовке штурма и осадных работах, потом еще 12 строк о том, как били турок при подготовке штурма, потом еще 15 строк — подготовка к штурму. Потом идет «лапша» — вперемежку данные о наших успехах и неудачах, но при разделении построчном на «положительные» и «отрицательные» получается соотношение 3:1 (соответственно 55 строк и 17 строк).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в реляции назван один из виновников неудачи — генерал-майор Вяземский, командир одной из колонн, который «обнаружил только личину ложной храбрости». Прозоровский отводит упреки в том, что он с недостаточными силами решился на штурм, ссылкой на действия Суворова под Измаилом. Тот тоже не имел преимущества в численности, но сумел взять крепость. Крепким аргументом всегда являлось упоминание расположения или нерасположения Божьего, против вышних сил всякие людские меры бесполезны. Характерным и едва ли не ритуальным является в такого рода документах похвала отпрыску какой-либо влиятельной фамилии, которая в благодарность за прославление включала механизмы смягчения общественного мнения в отношении полководца, проигравшего сражение. Прозоровский отметил в своей реляции прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка — близкого родственника графа Александра Николаевича Самойлова (1744–1814), одного из вельмож ближайшего окружения Екатерины II, не утратившего своего влияния и при Александре I. К мнению действительного тайного советника, кавалера ордена Св. Георгия 2-й ст., генерал-прокурора Сената в 1792–1796 гг. прислушивались многие.

*Из письма Кутузова дочери Екатерине (Е. М. Тизенгаузен)
от 27 февраля 1811 года о вероятном назначении
командующим Молдавской армией*

Перевод с французского. Впервые опубликовано: Русская старина. 1874. Т. 10. С. 358.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 292.

Я получил из Петербурга известие, благодаря которому могу оказаться по соседству с тобой. Это значит, что я, вероятно, буду назначен командующим армией в Турции. Уверяю тебя, что это меня вовсе не радует, наоборот, сильно огорчает, клянусь тебе. Министр подготавливает меня к этому. Я держу это сообщение в

большом секрете ото всех и тебе сообщаю под таким же. Ты будешь молчать до тех пор, пока оно не опубликовано. Если же, к счастью, все отменится, то вообще не станешь об этом говорить... Тем не менее, этот отъезд, о котором мне объявили, меня сильно беспокоит. В мои годы расстаться с своими знакомыми, привычками и покоем! Но ты помолишься за меня Богу, утетишь меня и поддержишь. Боже тебя благослови...

*Отношение Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли
по поводу назначения
главнокомандующим Молдавской армией*

Впервые опубликовано: Фельдмаршал Кутузов. М., 1947. С. 105.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 293.

Получив отношение вашего высокопревосходительства о предназначении меня главнокомандующим к Дунайской армии, я тотчас приготовился к исполнению высочайшей воли. Доверенность государя в толь важном случае заключает в себе все, что только льстить может человека, хотя бы наименее честолюбивого.

В летах менее престарелых был бы я более полезным; случаи дали мне познания той земли и неприятеля; желаю, чтобы мои телесные силы, при исполнении обязанностей моих, достаточно соответствовали главнейшему моему чувству, т. е. приверженности к лицу государя, ныне над нами царствующего.

Условия Тильзитского мира не удовлетворяли Россию, Александр I лелеял надежду на реванш и активно готовился к новой войне с Наполеоном. В начале 1811 года при решении вопроса — кого назначить командующим 2-й Западной армией, царь остановился на Н. М. Каменском, руководившем тогда действиями Молдавской армии.

С Дунайского театра военных действий этот прославленный и пользовавшийся огромным авторитетом генерал отзывался под предлогом болезни и заменялся Кутузовым. Такое назначение позволяло не давать повод французам обвинять Россию в военных приготовлениях: командовавший русскими войсками в 1805 г. теперь отправлялся воевать с турками, а Каменский оказывался во главе 2-й Западной армии после избавления от недуга.

*Из отношения Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли
от 7 апреля 1811 года о плане военных действий*

Впервые опубликовано: Фельдмаршал Кутузов. М., 1947. С. 107–109.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 311–312.

Из приложенного к его императорскому величеству расписания усмотрите, ваше высокопревосходительство, первоначальное предназначение войск к войне оборонительной и к действию наступательному от Руцука; и по расположению сему, рассмотрев движение войск неприятельских (которые между Балканами, кажется, и начинают умножаться с прибытием нового визиря), соизмеряясь силе и направлениям неприятеля, возможно будет помышлять о поиске из Руцука впереди себя. Из самого расписания явствует, что, употребив корпус Руцукский и главный под командой генерал-лейтенанта графа Ланжерона, отряд генерал-майора Инзова, при реке Ольте расположенный, и часть отряда при Слободзее, в пять дней собрать можно у Руцука и составить до 35 батальонов одной пехоты. Такой корпус противостоять может знатному числу турок; но движение его вперед более или менее зависеть будет от большей или меньшей силы и движения турецких корпусов против других пунктов нашей оборонительной линии. Все вышеописанные распоряжения, начав с расписания, неразлучно связаны с уничтожением Никополя и Силистрии.

Оборонительная наша линия, четырьмя дивизиями защищаемая, начинается, можно сказать, от Белграда и продолжается до Днестра, занимая по изгибам Дуная около тысячи верст. Тщетно было бы помышлять, чтоб огромное такое пространство возможно было занять везде довольной силой, и таковое раздробление войск, и без того умеренных, без сильных подвижных корпусов к подкреплению, отворило бы путь первому неприятельскому корпусу, несколько сильному <...>

Нынешнее расписание согласно нынешним обстоятельствам; они могут перемениться и переменить расположение войск наших мгновенно...

Во всей Валахии нет, так сказать, ни фунта сена, а сие и препятствовало войска тронуть; ныне же показалась трава, и я предписал полкам, отдаленным от назначенных им пунктов, тронуться в поход, а постепенно и ближайшим...

На момент принятия командования армией, Кутузов имел 70 батальонов пехоты, 80 эскадронов кавалерии, 14 казачьих полков, 14 артиллерийских рот, 6 саперных рот, 2 батальона пандур и 300 человек хорватов. Разумеется, такими силами никак было нельзя прикрыть всю тысячекилометровую границу. Распылять силы было очень опасно, так как противник мог легко перебить небольшие отряды и посты. Во времена, когда скорость доставки информации определялась резвостью и выносливостью лошадей, значительное удаление какой-то части армии означало ухудшение связи с ней. Фактически на расстоянии 50-80 верст войска лишались оперативного управления.

*Из приказа М. И. Кутузова войскам Молдавской армии
о запрещении брать подводы у местных жителей
в связи с весенними полевыми работами
от 16 апреля 1811 года*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 326

...По случаю наступления весеннего времени, в которое жители здешних княжеств имеют необходимую надобность заняться обработыванием земли и посевом хлеба, — а на сие и нужно употреблять в работу имеющийся у них для того скот, — я строго запрещаю всем чинам армии Молдавской и прочим чиновникам отнюдь ни под какими предлогами обывательских подвод у жителей не брать и таковых ни по чьему требованию никому не давать, кроме только по открытым листам главного моего дежурства, которое таковые листы в необходимо надобном случае на взимание обывательских подвод давать будет по моему назначению.

Натуральная подводная повинность была одной из самых тяжелых земских повинностей в дореволюционной России. Обыватели обязывались согласно спискам, составленным в местных органах власти или самоуправления, доставлять казенные грузы из пункта А в пункт Б. Особый ущерб повинность наносила в период основных сельскохозяйственных сезонных работ, когда временная реквизиция рабочего скота, а также отвлечение рабочих рук имело, как правило, тяжелые последствия. Отбывание этой повинности всегда сопровождалось разного рода жалобами населения на произвол чиновников военных и гражданских. В прифронтовой полосе мобилизация подвод имела, как правило, еще более жесткий характер. Стремление Кутузова как-то оградить крестьян от бесчинств военных объясняется как его человеческим отношением

к селянам, так и прагматичным расчетом: терпимые отношения с местным населением облегчали снабжение армии. Кроме того, срыв посевной или уборки урожая оборачивался голодом, недостатком провианта и фуража, а также эпидемиями — верными спутницами неурожая.

*Из письма М. И. Кутузова генерал-лейтенанту Ф. Ф. Эртелю
с предписанием доставить сведения об отправке
продовольствия для Молдавской армии*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 328

...В Валахских магазинах и крепостях по обеим берегам Дуная хлебных запасов нет и полки имеют у себя запасной в сухарях провиант только на 10 дней, а на подвоз назначенного на первый срок провианта я верно полагаться не могу. Затем, предвидя явную опасность, дабы армия не осталась вовсе без продовольствия, отправляю с сим нарочного курьера и прошу ваше превосходительство немедленно уведомить меня о распоряжениях ваших на отправление хлеба...

В этом документе, как и во многих аналогичных, Кутузов представлен как военачальник, твердо знающий, что основными орудиями победы являются штык, ложка и лопата, которые символизируют боевую подготовку, снабжение и инженерную подготовку места сражения.

*План войны с Турцией, составленный М. И. Кутузовым
26 апреля 1811 года*

Впервые опубликовано (частично): Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 до 1812 г. Ч. 2. СПб., 1843. С. 161–164.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 351–353.

Опубликован с подзаголовком «мысли генерала Кутузова, замеченные в разговоре с ним». Датирован на основании того, что был отправлен Барклаю-де-Толли вместе с другими документами с такой проставленной датой.

При настоящих обстоятельствах четырех дивизий войск весьма достаточно защищать против турок обе Валахии и Бессарабию. Теперь правый фланг нашей армии заслуживает только внимания. В Видине есть флотилия, которая может способствовать неприятельской переправе в Малую Валахию; но таковое предприятие без угрожения нам на левом фланге послужит единственно к их потере.

Ежели б турки вздумали в большом виде начать наступательную войну, то они стараться будут ввести с моря сильную флотилию в Дунай; тогда с главными нашими силами непременно должно подвинуться влево и смотря по обстоятельствам, способам и усилиям неприятеля придется, может быть, стать между рек Яломницы и устья Сереты. В таком случае положение Малой Валахии, конечно, будет небезопасно, но ежели б турки, действуя весьма большими и превосходными силами на всех пунктах, и ворвались в Малую Валахию, то выигрыш их и тогда не может иметь важных последствий, ибо быстрая и довольно широкая река Ольта остановит их движение.

Получаемые известия не подают никакого повода к сим предположениям, ибо для сей операции нужны большие флотские приготовления в Константинополе, на что потребно и много времени. Впрочем, турки имеют обыкновение возить небольшие лодки вслед за войсками в повозках, кои могут они употребить для сделания моста через Дунай, но таковое предприятие от них было бы весьма смелое и, конечно, для них же пагубное, ежели они токмо дождутся войск наших и флотилии.

В настоящем положении весьма полезно предпринимать большие поиски за Дунаем. Руцук подает нам к тому средства. Сие может расстраивать неприятельские намерения, а успехи наши наводить на их войска уныние, что они ничего ко вреду нашему предпринять не могут. Итак, большой корпус войск между Журжей и Бухарестом нужен и для сей цели. Чем более можно будет употребить войск на предпринимаемые поиски, тем чувствительнее будут для неприятеля наносимые удары, а потому ежели 9-я дивизия будет оставаться надолго без действия около Ясс, то чрез весьма близкий перевод ее в Бессарабию можно будет главный корпус иметь всегда в достаточных силах, не озабочиваясь левым флангом всей армии.

Ежели пять дивизий, отделенных за Днестр, оставаться будут в бездействии и политические обстоятельства позволят начать против турок наступательную войну с прошлогодними силами, то в одну кампанию можно надеяться достигнуть мира

на желаемых условиях. Против турок не должно действовать как против европейских войск, всею массой совокупно. Императрица Екатерина Вторая имела план овладеть Константинополем, для чего генерал Кутузов и послан был в 1793 году через Шумлу осмотреть дороги на пространстве к Черному морю. Он, основываясь на совершенном знании местоположения, предполагает легчайшим и верным способом перейти за Балканы:

1-е. Разделить всю армию на два или три корпуса отделенные, которые не должны озабочиваться иметь сношение между собою, но всякий должен действиями своими располагать по обстоятельствам к преодолению всех могущих представиться препон.

2-е. Первый корпус предполагает он ставить из 25 тыс. человек. Вести его через Праводы и, пройдя горы, поворотить направо к Адрианополю. Переход сей по местоположению есть наилегчайший, ибо в два марша можно будет пройти большие дефилеи. Сим движением Шумла и Челиковак с их крепчайшими дефилеями будут отрезаны.

3-е. Второй корпус, также составленный из 25 тыс. человек, должен расположиться пред Шумлой на дорогах из Силистрии и Разграда. Ежели по многочисленности гарнизона в Шумле он не в состоянии будет занять ее силой, то прилежно должен наблюдать не упустить время идти за неприятелем, коль скоро движение первого корпуса принудит его поспешать к Адрианополю.

4-е. Третий корпус до 10 тыс. человек, хотя не много может содействовать главному намерению, но немалую принесет пользу демонстрациями от Никополя через Софию и Адрианопольскую дорогу.

5-е. Против турок безопасно с таковыми сильными корпусами вдаваться в отважные предприятия, не имея между собою никакого сообщения. Они по природе своей не в состоянии быть столько деятельны, чтоб быстротой движения совокупных сил подавлять таковые отделенные части. Всякое неожиданное или новое действие приводит их всегда в такое смятение, что не можно предположить, в какие вдадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех. Сверх того, против турок успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала. Фельдмаршал граф Румянцев всегда говорил, ежели б туркам удалось разбить наш корпус, состоящий из 25 тыс. человек, то и 50 тыс. имели бы ту же участь.

6-е. Главное затруднение в сей операции состоять будет в продовольствии первого корпуса. Сему помочь можно только тем,

чтоб иметь с собой большой запас сухарей и пользоваться всеми выгодами от земли.

Против вредного климата в Валахии, где летние дни очень жарки, а ночи холодны, единственная предосторожность состоит в том, чтоб нижних чинов на ночь одевать теплее, что и все тамошние жители наблюдают. Строгий надзор, чтоб солдаты спали одевшись, предохраняет и от болезней, но часовые в парусиновых панталонах озябают как среди зимы, большей частью простуживают себе желудки, отчего простудные горячки и поносы в летние месяцы всегда свирепствуют между войском. Почему весьма полезно было бы приказать в задунайской армии носить и летом зимние панталоны, уменьшив им полугодовой срок, который в казне заменится не отпуском летних панталон.

Представленный план демонстрирует талант Кутузова как полководца-стратега. Участие в трех войнах с турками, хорошее знание военно-политического состояния Блистательной Порты позволили ему составить реализуемую программу действий. По ней русская армия избавлялась от «проклятья» осад турецких крепостей. Важно отметить, что примерно так действовали русские военачальники в 1828–1829 гг., когда казачьих лошадей поили из речек, несущих свои воды в турецкую столицу. Мир тогда заключили в Адрианополе — отстоящем от Стамбула на 2-3 перехода. Суть плана — движение в общем направлении на Стамбул нескольких группировок, не связывающих свои действия заботой о сохранении близкой связи друг с другом. Кроме того, осады и штурмы крепостей переходят в разряд второстепенных задач, а не отвлекают войска от главной цели. При таком плане противник не мог отказать от генерального сражения в открытом поле, поскольку не мог допустить свободного движения русских войск на Стамбул.

*Рапорт Кутузова Александру I о победе при Рущуке
от 23 июня 1811 года*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 466–468

Вчерашнего числа на рассвете верховный визирь, оставя крепкий лагерь свой между Кадыкиой и Писанец, атаковал меня тысячах в шестидесяти кавалерии, пехоты и артиллерии в позиции моей в четырех верстах впереди Рущука. Движения его были распоряжены так мудро, что могли бы служить славой и самому

искусному генералу. Стремление его на оба наших фланга, из которых он левый и турнировал своей конницей, могли бы быть для нас вредны, ежели б по натуре местоположения не легко было предвидеть, что цель его будет между прочим на сии пункты, к чему и взяты все предосторожности.

Невозможно было оставить без внимания и Руцук, куда и действительно стремление неприятеля на наш левый фланг было; для закрытия сей крепости оставил я шесть батальонов кроме тех, которые по нужде сняты с флотилии. Предосторожность сия была великой помощью, ибо когда неприятель турнировал левый наш фланг, тогда более 10 тыс. конницы неприятельской очутились между мной и Руцуком в садах, против коих вышла из Руцука часть пехоты нашей, к коей присоединились со всеусердием и несколько болгар, которые вместе могли действовать против неприятеля. Довольное число наших убитых ядрами доказывает, что артиллерия неприятельская действовала весьма сильно. Конница же его действовала с такой наглостью, что я в долговременную мою против турецких войск службу таковой не памятую, но со всем тем из кавалерии нашей один только Белорусский гусарский полк потерпел несколько поболее, и он только один опрокинут был неприятелем, устремившимся между двух кареев; но сие остановлено весьма скоро, частью атакой кавалерии нашей во фланг всей анатольской конницы, а более искусным движением одного из наших кареев.

Сражение продолжалось до пяти часов времени, после чего неприятель, опрокинут будучи во всех пунктах, обращен в бегство и преследуем от места сражения на 10 верст вперед, где войска, пробыв до 7-ми часов вечера, возвратились по давно сделанному мною расположению в прежнюю позицию, а неприятель в крепкие свои окопы между Кадыкиой и Писанец. Неприятель спас свою артиллерию, прикрывая ее тысячами тридцатью конницы своей так, что в преследовании невозможно было малочисленную кавалерию нашу вдавать в видимую опасность, атакуя сии многочисленные толпы. Что неприятель был в тысячах в 60, то кроме единогласного показания пленных и выходцев верить должно и самим себе, ибо и мало приобыкший глаз мог видеть, что они до такого числа доходили.

Наших войск в сражении было, кроме тех, которые в Руцуке оставались, 25 батальонов и 39 эскадронов и 3 казачьих полка.

С душевным удовольствием донести должен Вашему императорскому величеству, что поведение всех мне подведомствен-

ных начальников было таково, что я ни в котором пункте моей позиции не был в беспокойстве ни на одну минуту.

По сущей справедливости, неприятеля убитыми на месте не осталось более как несколько за полторы тысячи человек, и потери его определительно сказать невозможно по привычке их увозить с собой тела. Наш урон убитыми и ранеными не простирается до 500 человек, из коих Белорусского полку подполковник Неболсин и майор Булгаков; о чем, как и об отличившихся достойно, вслед за сим буду счастье Вашему императорскому величеству представить...

Потеря орудий всегда являлась показателем неудачи и даже в случае общей победы крайне портила картину. Достаточно вспомнить эпизод из «Войны и мира», где гнев Багратиона обрушивается на капитана, которому пришлось бросить подбитое орудие. И это — после Шенграбенского сражения, в котором оставление неприятелю даже всех имевшихся пушек трудно назвать позором. Кутузов умолчал, что турки сумели отбить одно русское орудие конной артиллерии. Об этом написал в своем рапорте от 24 июня 1811 г. генерал-лейтенант А. Л. Воинов, который командовал конницей, невиновной в происшествии.

Генерал А. Ф. Ланжерон, описывавший то же сражение, представил картину следующим образом. После указания на то, что пять атак противника были отбиты, написано: «...Когда нашей кавалерии левый фланг превосходным числом неприятеля был опрокинут и несколько пушек конной артиллерии № 17 были отрезаны, то картечный огонь кареев Олонецкого и Белостокского полков принудил их оставить, я сам был очевидцем, как храбрые служители оной артиллерийской роты раненые втащили на руках орудия свои и зарядные ящики в мои кареи, чрез что и были спасены».

*Из отношения Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли
от 2 июля 1811 года о причинах оставления Рущюка
и перевода войск на левый берег Дуная*

Впервые опубликовано: Попов А. Н. Отечественная война 1812 года Т. 1. М., 1905. С. 317–318.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 480–481.

С начала кампании я видел, сколь много положение наше затрудняется рущюкским ретрашментом и как связывает руки сей

пост, коего не только без сильного гарнизона оставить не можно и такого, который, отнимая большую половину всей пехоты, могущей двигаться к подкреплению разных пунктов, на великом пространстве, нами занимаемом, сверх того и те войска, которые за таким большим гарнизоном, оставаясь подвижными, удалить от Руцук не позволяет; к сохранению сего поста иных мер и иного положения по нынешней силе неприятеля избрать невозможно, как то, в котором я находился перед визирской баталией и несколько ней после, то есть стоять перед Руцуком и закрывать его всеми кое-как собранными силами. Единственная позиция, которую для сего избрать можно, не теряя связи с Руцуком, есть та, на которой я дал баталию. Она такова, что никак не можно (если неприятель без меры нас сильнее) визирю воспрепятствовать, заняв фронт армии, обойти наш левый фланг и внедриться в садах, простирающихся до самого ретрашмента на пять верст, из коих каждый разделен валом и рвом, в каком положении будет тогда и армия и Руцук? Полагаю, что неприятель сего не смел или не умел бы сделать, но когда заставит меня через диверсию на правом фланге перейти за Дунай и оставить Руцук на собственные силы гарнизона, коего менее 18 батальонов уже никак в ретрашменте оставить невозможно, тогда главный корпус, оставшись в 11-ти батальонах ослабленный, пойдет на подкрепление отдаленных пунктов, а гарнизон Руцукский должен будет защищаться в таком ретрашменте, который представляет все невыгоды, ибо кроме той части, где нами был атакован, везде окружен высотами и садами, начинающимися круто от самого рва ретрашмента. Гарнизон имеет еще и ту невыгоду, что батареями неприятельскими легко можно потопить мост, который лишит его сообщения с левым берегом Дуная.

Все сии причины столь важны, что я по совершенному убеждению принял мысль тотчас после одержанной над визирем победы оставить Руцук; сие только и можно было произвести после выигранной баталии, в противном случае казалось бы действием принужденным, и ежели бы вместо выигранного сражения была хоть малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Руцук...

Итак, несмотря на частный вред, который оставление Руцук сделать может только лично мне, а предпочитая всегда малому сему уважению пользу государя моего, упразднив Руцук так, как были упразднены Силистрия и Никополь, выведя жителей, артиллерию, снаряды, словом, всё, и подорвав некоторые места цитадели, 27-го числа перешел я совсем на левый берег Дуная...

Рапорт М. И. Кутузова Александру I от 10 октября 1811 года о награждении семьи погибшего мещанина Т. А. Литвинова

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 656–657

Во время взятия острова противу Лом-Паланки Херсонской губернии города Николаева мещанин Тихон Андреев сын Литвинов, находившийся при корпусе генерал-лейтенанта Засса по торговым делам, из особого усердия и ревности просил позволения быть охотником в сражении вместе с батальоном Мингрельского пехотного полка, что ему и было позволено; вооружившись всею оружейной амуницией солдата, он в числе первых взошел на вал при штурме неприятельского редута, с редкой храбростью заколол своеручно несколько турок, потом первый бросился на неприятеля, сделавшего десант на остров, наносил оному большой вред, подавая собой во всех случаях пример другим; но, к сожалению, получил три смертельные раны, после которых вскорости и умер.

Таковой отличный подвиг мещанина Литвинова поставляет меня в обязанность, донеся о сем вашему императорскому величеству, всеподданнейше просить монаршего признания оставшимся после его матери, жене и сыну, живущим в городе Николаеве.

Этот документ характеризует Кутузова как человека, по достоинству оценивающего заслуги человека перед Отечеством, тем более когда речь идет о гибели в сражении.

*Из письма М. И. Кутузова Н. П. Румянцеву
от 13 декабря 1811 года о нежелательности разрывать
перемирие с турецкими войсками*

Впервые опубликовано (частично): Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1. М., 1905. С. 349–350.

Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 732–733.

Представляя первейшею для себя обязанностью исполнять свято все высочайшие его императорского величества предписа-

ния, я бы не замедлил объявить турецким полномочным высокомонаршее решение, на которое государь император был вынужден неожиданным поступком султана, предполагающего сменить постановленные уже статьи мирного трактата, если бы ниже следующее уважение не принудило меня воздержаться на несколько еще дней от такового подвига.

Депешей моей от 10 ноября под № 99 известил я вас, милостивый государь, о доверенном сообщении, сделанном по сему предмету надворному советнику Фонтону от известной вашему сиятельству особы мимо полномочных и даже мимо самого визиря. Вы изволите заметить, что в то время не имели мы еще официального от Галиб-ефендия уведомления о новых предложениях султана, о коих положительно довел я до сведения вашего сиятельства только 28 ноября. Сие последнее обстоятельство известно также и турецким полномочным, ибо я им неоднократно давал чувствовать, что я не прежде решусь представить высочайшему двору предложения их, как когда войска турецкие, находящиеся на сем берегу Дуная, совершенно будут обезоружены и расположены в деревнях, от меня для них назначенных. Следовательно, объявив теперь Галиб-ефендию о полученном мною от государя императора высочайшем повелении, не только навлекли бы мы подозрение на известную вашему сиятельству особу, но, может быть, подвергнули бы и самую жизнь его опасности, потому что, без всякого сомнения, визирь и кегаия-беи разочтут, что я не мог еще иметь ответа на депеши мои, с последним курьером к вам, милостивый государь, отправленные, догадаются, что я с конференции 17-го числа уже получил таковое сведение от помянутой особы. Турецкие полномочные равномерно могут подумать, что я, делая им подобное объявление, действовал по совершенному моему побуждению, не дождавшись отзывов вашего сиятельства.

Сии уважения понудили меня воздержаться на несколько еще дней от официального с Галиб-ефендием объяснения, но, между тем, поручал я Петру Фонтону сообщить сию только статью из депеши вашей известной особе... Непременно для безопасности помянутой особы нужно было, чтобы я взял предосторожность, переждал еще некоторое время, а потому льщу себя надеждой, что поступок мой в сем случае удостоится высокомонаршего одобрения.

Его императорскому величеству угодно, чтобы я прервал перемирие, приступил к начатию военных действий и открыл оные покорением турецкого корпуса на сем берегу Дуная. Войска сии

теперь уже в моих руках. Я предупредил побудить визиря подписать условие, в силу коего турецкая армия обезоружена, вся артиллерия ее взята под сохранение в Журжу; войска же с их начальниками расположены под присмотром воинских команд наших по разным деревням в Валахии, тогда когда бы, употребив силу оружия на покорение людей, приведенных в отчаяние, бесспорно потеряли бы и мы немалое число людей.

Перемирие, заключенное между мной и верховным визирем, ни под каким видом не связывает мне рук и не препятствует возобновить военные действия, о чем я должен только объявить ему двадцать дней наперед; но я, признаюсь вашему сиятельству, не вижу, чтобы мера сия была большой для дел наших пользы, и, сверх того, я теперь мало имею способов действовать с успехами наступательным образом.

Время года и дороги, почти непроходимые, суть главным сему препятствием, и на подвозы жизненных припасов по сей дороге никак полагаться не можно. Таким образом, расстроилась бы армия к тому времени, когда неприятель, может быть, опять в больших силах покажется весной в поле...

21 ноября 1811 года министр иностранных дел Николай Петрович Румянцев довел до сведения Кутузова, что царь не видит иного способа сломить упорство турок, кроме как разорвать перемирие и начать активные боевые действия. Если же турки предложат после этого мирные переговоры, то соглашаться на них только при следующих трех условиях:

1. Граница между империями должна проходить по реке Серет, что означало переход под скипетр Александра I всей Румынии и установление прямого контакта России с Сербией.

2. Последняя должна получить гарантии безопасности.

3. При размежевании на Кавказе все крепости, уже взятые русскими войсками (перечислить), должны были остаться под властью России.

Понятно, что Александр I, уязвленный результатами войны 1806–1807 гг. с Францией и вдохновленный результатами войны 1808–1809 гг. со Швецией, хотел внушительными приращениями территории компенсировать горечь поражения и прибавить блеска своей воинской славе. Однако для того, чтобы султан согласился на такие условия, русским войскам надо было стоять если не у ворот Стамбула, то по меньшей мере за Балканами. Они же, напомним, хотя и после нескольких убедительных побед, стояли на Дунае. Принятие первого пункта означало, что Блистательная Порта лишается огромной территории на Балканах. Кроме того, из-под власти Турции изымались миллионы христиан, несколько веков мечтавших о своем освобождении от мусульманского ига. Не-

трудно было предвидеть, что это станет вдохновляющим примером для болгар, сербов, хорватов, черногорцев, греков и армян. В таком случае Стамбулу пришлось бы лишиться практически всех своих владений в Европе. Второй пункт российских требований фактически обеспечивал независимость Сербии, поскольку, пообещав гарантировать сербам «спокойное и безмятежное существование», правительство Турции отказывалось от применения к ним силы. Кутузов трезво оценивал ситуацию. Он предвидел, что противник не согласится с данными требованиями. Кроме того, столь радикальное изменение границы на Дунае вызовет резко негативную реакцию со стороны Австрии. В условиях назревания нового столкновения с Францией делать непримиримым врагом самого сильного потенциального союзника было бы неразумно. Столь же «убийственным» для турок выглядел и 3-й пункт. В конце 1811 года русские войска взяли Анапу, Сухум, Поты, Ахалкалаки, Ахалцых. Сохранение в этих ключевых пунктах русских гарнизонов означало то, что Турция навсегда расстанется со своими притязаниями на Кавказские владения. Гурия, Мингрелия, Абхазия и Имеретия закреплялись за Россией. Русский флот получал опорные пункты на побережье к востоку от Керченского пролива, что сразу меняло стратегическую ситуацию в восточной части Черного моря. Наконец, утрата контроля над побережьем лишала Стамбул возможности прямого контакта с горцами Северного Кавказа, которые оказывались один на один с могучей имперской военной машиной. Таким образом, каждый трезвый дипломат должен был понимать, что предъявленные Стамбулу пункты могут служить разве что приемом дипломатического торга: отказ от требований выглядел как уступка.

*Из письма М. И. Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли
от 14 декабря 1811 года
об итогах кампании 1811 года*

*Впервые опубликовано (частично): Знамя. 1948. № 5. С. 95.
Печатается по изданию: М. И. Кутузов. Т. 3. М., 1951. С. 750–752.*

Милостивый государь мой Михаил Богданович!

Я имел уже честь от 27 ноября уведомить ваше высокопревосходительство о принятии турецкой армии, на сей стороне бывшей, под охранение. Артиллерия их взята в крепость Журжу; ныне собирается от них и оружие, которое также будет в сохранном месте. Войска, по обеим сторонам Дуная в собрании бывшие, следуют уже к зимним квартирам, исключая 22-ю дивизию и

части 8-й, которые еще оставались в окрестностях Журжи; их квартиры будут ближе к Дунаю и так расположены, чтобы иметь в руках турецкий корпус, за ними находящийся.

При сем случае просить осмелюсь представить его императорскому величеству, что по достижении сей моей цели, ежели бы я и находил полезным действовать за Дунаем, то и в таком бы случае не имел я достаточной к сему возможности.

С начала сей кампании все было приготовлено к действиям оборонительным, а таким образом и расположены были все магазины, имея почти все войска Молдавской армии до декабря месяца собранные только в двух пунктах, т. е. ближе Журжи и против Видина. По сему уже единственно обстоятельству истощены были все способы, которые мог представить истощенный уже подвижный магазин из отдаленных мест и земля здешняя, изнуренная долговременной войной; наконец, способы сии сделались так затруднительны для продовольствия столь великого числа людей и лошадей, что ежели б я и находил, как выше сказано, полезность в действии за Дунаем, должен был, однако же, по невозможности кампанию окончить.

Перешед за Дунай, какой сильный должно иметь подвижный магазин! Земля за Дунаем верст на сто обнажена совершенно от жителей; наши партии, весьма далеко ходившие в течение сего прошедшего лета, загнали всё в Балканы, и, не имея возможности везти крайних потребностей пропитания, не мог бы я в сие позднее годовое время отделиться от Дуная на 30 верст; впрочем, и прошедшая кампания 1810 года доказала, что действия за Дунаем полезного для нас впечатления в неприятеле не делали.

Многих вещей у нас недоставало таких, которые в расчет оборонительной кампании и не входят, как, например, мост, которого часть через зиму удобно исправить можно, не мог быть исправлен в прошедшей осени. Достаточно было способов для перехода корпуса Маркова и для коммуникации с сим корпусом, но чтобы находиться с армией за Дунаем, для сего потребна коммуникация верная и обширная. Легко исчислить можно, сколько тысяч на тридцать и более провиант получающих должно иметь перевозных судов для доставления им только полумесячного пропитания; сие количество судов так велико и время сего перевоза так протяжно, что и самый предприимчивый человек остановится на сей операции.

Я смею себя ласкать, что армия турецкая, которая не столь важна по количеству составляющих ее людей, как по знатности

чиновников и корпусов, у нас в руках имеющихся, есть способ действительнейший к миру, нежели несколько набегов, которые я мог бы сделать за Дунаем в прибавок к тем, которые деланы от корпусов Засса, Маркова от Силистрии и Туртукая.

Я начал кампанию с малыми способами и ничего не мог отдавать на произвол судьбы. Исчисления мои не столь смелые, как заботливые, смею я сказать, не могли быть по крайней мере ошибочны и были таковы, что неприятель не должен был взмочь сделать шагу от берега дунайского, и уже по приближении ко мне 9-й и 15-й дивизий, по переходе неприятеля на сую сторону Дуная устремил я все мои расчеты произвести в действие то, чем кампания ныне кончилась, т. е. блокировать и взять армию, которая была тогда в 36 000 по сообщению мне всех начальников, над нею бывших.

Две трети сей армии погибли как в сражениях, в разные числа бывших, а более от бедствий, по день конвенции ею терпимых. Хирурги, от меня туда посланные во время перемирия, видели тысяч несколько раненых ядрами более от флотилии нашей, которые, быв без призрения и без врачевания, все лишились жизни. Не мог я человеколюбие моему позволить сообщать им столько потребностей, которые бы, будучи изобильными, отдали бы, может быть, еще время к переходу их к нам. Терпение, сими людьми оказанное, достойно быть описано пером историка. Нет нации, которая бы такие бедствия перенести могла. Прежде питались они лошадиным мясом без соли, но, будучи всякий день более стесняемы, наконец лишились всех лошадей; потом питались некоторое время травяными кореньями, но и сей способ истощился; не имея дров и будучи почти наги, умирали по несколько сот ежедневно. Я не мог отпускать им пропитание, как самое умеренное, так что хлеба приходило на человека золотников только по 20-ти.

Из 25 000 выходцев, к нам перешедших, остается весьма мало здоровых, и от того, что теперь у нас в руках, останется в живых только, может быть, половина...

*Из письма М. И. Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли
о кампании 1811 года от 14 декабря 1811 года*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 753–754

Обращаясь на войну здесь покойного генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, увидим мы, что к великим действиям его предстояло более целостности в операциях, ибо в линию военного его театра не входило защита всей Малой Валахии, начиная от Ольты и до границ Сербии, так что и крепость Турно нам не принадлежала. Также не входили в план его коммуникация с сей землей и защита ее, и покойный граф, отделяя по временам два или три батальона в Малую Валахию для диверсии, тем довольствовался, что земля сия всегда попеременно находилась в тех или других руках. Таковым образом, линия сия, укрошенная около 500 верст, представляла более, говорю я, целостности к военным операциям и требовала меньших способов и попечений к ее защите.

Обстоятельства политические укажут род войны, если бы нынешней зимой не положился ей предел, каковой предстоять будет в здешнем краю с будущей весной, то, принимая во соображение как сию землю и с нею вместе защиты Сербии, последствия минувшей кампании доказали, что сверх тех казачьих полков, которые должны держать стражу от цесарской границы до устьев Днестра на протяжении тысячи верст, для действия в поле против многочисленной турецкой конницы должно иметь необходимо несколько казачьих полков в резерве и что одним только необыкновенным стечением обстоятельств и счастьем, за которые впредь ручаться нельзя, предоставлено только, могу сказать, не надежными средствами желаемое окончание кампании. Начав оную с четырьмя пехотными дивизиями, ослабленными до чрезвычайности от господствующих здесь в операционных месяцах болезней, и не ожидающих тогда тех подкреплений, которые они в конце кампании стали получать рекрутами, приводимыми из России, и если бы будущим действиям военным предстоял тот же самый план, то со всей откровенностью моей должен предварительно сказать вашему высокопревосходительству, что до шести пехотных дивизий необходимо здесь нужно, которые, смотря по обстоятельствам, переменяя войну оборонительную в наступательную, могут надежными быть и верными орудиями к достижению желаемой цели...

*Предписание М. И. Кутузова Е. И. Маркову
от 31 января 1812 года
об экспедиции за Дунай*

М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. М., 1951. С. 788

Настоящее положение Дуная, представляя удобность потревожить неприятеля, я поручаю вашего превосходительства отряду, собранному при Дунае и состоящему из 27-го егерского полка, 4-х чугуевских уланских эскадронов и Тираспольского драгунского полка, усилив его по своему усмотрению, приказав, переправясь на ту сторону Дуная, сделать поиск на укрепление Лом-Паланку и, если представится удобность, взяв оную, истребить до основания. И неприятельские суда, могущие быть при оной, совершенно уничтожить. Когда же бы дознались вы о немалых затруднениях, могущих встретиться в таковом покушении на сие укрепление, то отряду сему, обойдя Лом-Паланку, в окружностях оногo и далее разорить землю и вселить всюду страх. Таковую же экспедицию теперь же я поручил и генерал-майору Булатову сделать на Систов.

В начале 1812 года Кутузов в связи с возобновлением военных действий отдал несколько распоряжений по укреплению фронтальной полосы на предмет пресечения возможных попыток турок совершить рейды на левый берег Дуная. Эти предосторожности не были лишними, поскольку из-за небывало сильных морозов лед на этой реке стал так крепок, что выдерживал движение конницы. В то же время он приказал провести несколько экспедиций на правый берег для выяснения обстановки и демонстрации активности.